

Евгений КЛЮЕВ

Моя собака и я

Из "Книги теней"

А на церемонию вручения награды Тень Ученого не явилась по уважительной причине: незадолго до этого она шла по Гоголевскому бульвару, где на скамеечке — недалеко от дома — плакал маленький, но очень хороший человек Игорь: он вспоминал о собаке — огромной разноцветной собаке, которая приходила в гости к нему, когда он был совсем-еще-маленьким. Оттого, что слезы все равно уже текли, ему становилось особенно жалко себя: тогда слезы текли еще сильнее, но мальчик даже не вытирал их — просто наклонил голову, чтобы никто не видел. А собаки не было, не было, не могло быть!

Однако возникло вдруг шумное дыхание возле самого уха — Игорь поднял глаза. Собака стояла рядом — именно та, большая и разноцветная, которая навещала его раньше. Игорь заревел в голос, потому что подумалось ему, надувают его, бедного — и нет на самом деле никакой собаки!

— Уходи, — сказал он ей. — Ты кажешься!

Собака завилала хвостом — нет, замахала хвостом: такими хвостами не виляют... И легла у ног Игоря. Тогда он протянул к ней руку — собака уронила на руку большущий розовый язык, рука сделалась влажной, а слезы высохли.

— Мальчик, ты потерялся? — вдруг услышал он над собой противный какой-то голос. Вельветовый человек смотрел на него взглядом милиционера. — С кем ты разговариваешь?

— С собакой, — растерялся ребенок. — Вы разве не видите?

— Что же я должен видеть? — Вельвет насторожился.

— Вы должны видеть собаку...

— Но я не вижу собаки!

— Тогда, наверное, вам стоит надеть очки, — серьезно сказал мальчик и побежал по аллее.

Большая разноцветная собака все время бежала за ним — и догоняла его, и хватала за пятки, и убегала вперед, а потом возвращалась, обязательно возвращалась. Запыхавшись, Игорь повалился на скамейку и спросил собаку: — Зачем ты так редко приходишь?

Собака опустила голову и посмотрела на Игоря исподлобья, но виновато: дескать, дела, брат... времени совсем мало, прости.

— Ты, наверное, очень занятая собака, — понял Игорь. — И конечно, дружишь со многими мальчиками.

Собака обиделась и отошла в сторону. Отвернувшись от Игоря и стала смотреть на урну. Игорь подошел к ней.

— Хорошо, — вздохнул он. — Будем считать, что ты только моя собака, что ты абсолютно моя собака. Ты редкоприходящая абсолютно-моя-собака. Так и должно быть: друг — это когда он мой друг и больше ничей. А если он еще чей-нибудь друг, значит он мне мало друг или полдруга... даже меньше.

Мальчик гладил собаку по спине и говорил. Собака внимательно слушала его и понимала.

Мы уже привыкли начинать очередной новый год с историй, рассказанных писателем Евгением Ключевым. И он это знает. И все время нам что-нибудь присылает. Для первого в 2006 году номера "ЭС" Евгений Васильевич подарил несколько "зимних" сочинений из книги "Странноведение".

А поскольку 29 января начинается год Собаки (по восточному календарю), то мы решили, с разрешения

автора, воспользоваться фрагментами из выдвигавшейся на "Букер" и только что вышедшей (в новой редакции) его "Книги теней" и книги "Царь в голове", где много чего разного про разных собак написано. Астрологи считают, что Огненная Собака будет покровительствовать тем, кто работает в коллективе и не боится ставить перед собой глобальные задачи, она также позволит добиться материальных благ и благотворно повлияет на отношения между людьми, на поиск взаимопонимания. Чего мы всем вам желаем и в наступившем году, и всегда!

— Но если ты только моя собака, я должен тебя кормить. Иначе никто не будет кормить тебя, и ты ослабнешь. Ты мороженое любишь?

И они побежали к станции метро "Кропоткинская", там Игорь купил мороженое, достав из-за подкладки пятнадцать копеек. Он разломил мороженое пополам и протянул половину собаке. Та потупилась: извини, не могу, не люблю мороженое... или что-то в этом роде. И качнула хвостом. Мальчик расстроился было, но быстро все понял и рассудил так:

— Ты, значит, не хочешь есть? Тогда я съем один, можно? А обедать не пойду. Потому что, когда вернусь, — вдруг тебя уже не будет? Я теперь не маленький и знаю одну вещь... сказать? — Игорь наклонился к висящему уху собаки, приподнял его и прошептал туда: — Уже через минуту все может стать иначе! Понимаешь?

И собака не то кивнула в ответ, не то просто опустила голову к земле: голова ее, должно быть, много весила. Потом подошла совсем близко к мальчику, положила огромную голову к нему на колени и вздохнула — тяжело, как море. Наверное, она сейчас уйдет. Игорь хотел было опять заплакать, но не стал.

— Если тебе надо идти, ты иди. Я буду тебя ждать. Всегда буду ждать. На той скамейке, где сегодня. Только ты приходи сразу, как освободишься, чтобы я... чтобы я не разуверился, — и он поцеловал собаку в самый нос. Быстро поднялся и быстро пошел в сторону Сивцева Вражка. У маленькой лестницы обернулся: собака смо-

трела ему вслед. Потом затрусила по бульвару. Игорь перестал смотреть на нее, чтобы не бежать назад.

Тень Ученого проследила за тем, как он перешел дорогу и исчез в переулке — маленький, но очень хороший человек. Она сделалась совсем тусклой, Тень Ученого: так обычно бывает, когда вечер.

Из книги "Царь в голове"

В принципе скорый, но на самом деле практически неподвижный поезд "Москва — Невоскв" нервически подергивался где-то в степи под Полтавой. Нервически подергиваясь, крепко спали в нем пассажиры — в том числе и пассажир Кубышкин, ничем не отличавшийся от прочих. Например, от своего соседа по купе, пассажира Кремня, и от своей соседки по купе, пассажирки Толкуновой-Вступе. Проводница даже попросила их приколоть таблички с именами на постельные принадлежности, настолько три вышеупомянутых пассажира были похожи друг на друга.

Единственным, от кого пассажир Кубышкин отличался — причем отличие казалось разительным, — был пес пассажира Толкуновой-Вступе, пес по имени Назар Филиппович. Он спал на одной из верхних полок, по соседству с пассажиром Кремнем. На пса Назара Филипповича был куплен особый билет, ибо пес был велик и могуч.

Когда нервически подергивавшийся поезд нервически подернулся в очередной раз, пассажир Кубышкин проснулся

и тут же начал страдать бессонницей. За пять минут бессонница настолько измучила его, что пассажир Кубышкин вообще не знал, куда себя деть. Он попробовал было засунуть себя в багажное отделение под своей полкой, но обнаружил там совершенно постороннего человека по имени Александр Константинович Круглов, 1934 года рождения, и осторожно опустил крышку на прежнее место. Посторонний человек по имени Александр и так далее все еще продолжал ругать его изнутри, когда пассажир Кубышкин принялся пытаться сделать ласточку на столике купе, но упал на пол и разбился в кровь. Тогда пассажир Кубышкин решил записать себя в чей-то чемодан под столиком, но в чемодане этом одна возлюбленная пара занималась взаимной любовью — так что свободного места для пассажира Кубышкина не нашлось и там.

В этот самый момент пассажиром Кубышкиным овладело непреодолимое желание разбудить пса Толкуновой-Вступе, Назара Филипповича. И хотя внутренний голос сильно предостерегал его от этого, пассажир Кубышкин осторожно подкрался к Назару Филипповичу и тихонько прошептал ему в самое ухо:

— Назар Филиппович, спишь? Назар Филиппович сделал вид, что пока не слышит пассажира Кубышкина. Он даже нарочно громко всхрапнул, как будто от шепота пассажира Кубышкина заснул еще глубже. На самом же деле Назар Филиппович, конечно, сразу разгадал коварные планы противника, но виду не подал.

Тогда пассажир Кубышкин взял в руки соломинку и начал щекотать ею ноздрю Назара Филипповича, игриво приговаривая при этом:

— Назар Филиппович... а, Назар Филиппович-и-и!

Не открывая глаз, но все видя, Назар Филиппович невинно и как бы сонно спросил:

— Кто-то зовет меня или я ошибаюсь все время?

Пассажир Кубышкин захихикал и спрятал голову под полку с Назаром Филипповичем.

На минуту стало тихо. Однако тут же пассажир Кубышкин придумал новое развлечение: снизу он изо всех сил начал напирать головой на полку с Назаром Филипповичем, как бы пытаясь стряхнуть Назара Филипповича с его законного места. Назар Филиппович из последних сил делал вид, что крепко спит.

Поскольку попытки разбудить спящую собаку предпринимались пассажиром Кубышкиным прямо и непосредственно над телом спящей на нижней полке пассажира Толкуновой-Вступе, последняя, почуяв неладное, тут же проснулась и схватила пассажира Кубышкина рукою за ногу.

Пассажир Кубышкин заверещал, как зарезанный, но было поздно: пассажир Толкунова-Вступе давно уже предавалась быстрой любви с ним под нервическое подергивание поезда.

К концу поездки у пассажира Толкуновой-Вступе родилась и выросла тройня, что не очень обрадовало пассажира Кубышкина, ибо все это были люди с псыими головами.

"My Dog and myself"

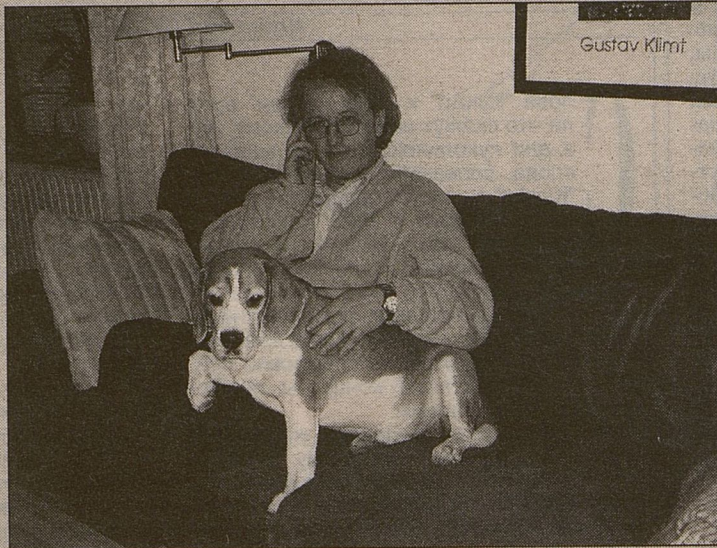
Дорога была песчаная: растаивал день у дюн. Картина была печальная — и сбоку стоял один какой-нибудь куст, а спереди — ни дерева, ни жилья... И шли по пустому берегу Моя Собака и я.

Тянуло прилежной свежестью от вечера и от дум — и юное побережье казалось почти седым. Брели и тихонько мыслили о том, чтобы стать — скромней, счастливей и многочисленней Моей Собаке и мне.

И так продолжалось несколько столетий — за веком век. И длилось все то же действие, и берег уже привык встречать нас погодой пасмурной и холодом пустыря. Страдали приморским насморком Моя Собака и я.

Планета была пустынная. Планета была Земля. Дорога была постылая — ни дерева, ни жилья. И бойкий прибой под дюнами плескался как заводной. Собака была придумана Моей Собакой и мной.

• Евгений Ключев и Отто — собака друзей

Gustav Klimt